Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

№ 2. Речи и беседы агитатора. № 2.

БАРАТОВ.

НА ЮГ!
НА ЮГ!

Цена 3 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва.—1919.

Никем из книгопродавцев указанная на книге **цена не может быть повышена.**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА.
Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
1919.

Революция и контр-революция.

Давненько уже завелись такие порядки, что не все люди одинаково сыты, одеты и обуты, не всем одинаково живется на земле. Род людской разделился на богатых и бедных. Богатые всех бедняков заставили на себя работать. И все, что есть хорошего на земле, взяли себе эти богатые, а беднякам остались одни объедки. И так еще заведено, что бедному никак нельзя было добиться равного положения с богатым. Родились у бедняков дети. Их не допускали к образованию, заставляли оставаться в грязи и в невежестве. Внушали при этом, что так и должно быть. Что за бедность свою бедняк получит награду после смерти. Напротив, детям господ давалось образование, о них заботились и воспитывали их так, чтобы приучить держать в своих руках бедноту. И их учили, что равенства не должно быть и не может быть; что господство на земле должно принадлежать именно им, богатым господам.

Но не все соглашались, что такая несправедливость может быть терпима. Находились смелые люди, которые открыто шли на борьбу с неправдой, требовали, чтобы жизнь была перестроена по-новому. С ними усердно и жестоко боролись богатые и нанятые ими холуи. Таких восстающих против неправды людей называли революционерами, а то, что они хотели сделать, называли революцией, т.-е. переворотом, переменой порядка.

Борьба за правду идет с древних времен. Продолжается и теперь. Революционеры называли тех, кто препятствовал им переменить порядки на земле, контр-революционерами, а самую борьбу с ними называли контр-революцией. «Контр» это—слово нерусское, значит—против. Контр-революция идет против революции. Хочет, чтобы все на земле оставалось по-старому.

Большую революцию, т.-е. большой переворот, перемену в жизни удалось произвести 100 слишком лет тому назад во Франции, где рабочие и крестьяне свергли с престола своего короля, казнили его и утвердили было власть трудящихся. Но дело все же кончилось ничем, потому что рабочие и крестьяне оставили у власти и богачей-господ, а те скоро сумели повернуть дело так, что все во Франции осталось по-старому. Попрежнему там все в руках богатых, а беднякам ничего, кроме каторжного труда и нищеты.

Поэтому русские рабочие и крестьяне, после того, как им удалось избавиться два года тому назад от своего царя, не оставили власти в руках своих богачей-господ, взяли ее в свои собственные руки в с ю ц е л и к о м

Это называется диктатурой пролетариата. Эти же слова значат, что в нашей стране правит только бывший бедняк, только тот, кто живет своим собственным трудом и никаких богатств и никаких рабов, находящихся у него в услужении, не имеет.

Конечно, такие порядки не могут нравиться бывшим богачам и господам. Те из них, кому удалось скрыться из нашей республики, те не жалеют ни денег, ничего, лишь бы опять сделать переворот, вернуть все, что было до революции.

Им на помощь охотно пришли иностранные богачи. Они боятся, что подвластные им рабочие и крестьяне последуют нашему примеру и уберут их от власти. Они хотят, чтобы скорее была уничтожена в России власть рабочих и крестьян и все снова пошло по старому.

И вот началась борьба. Весь мир разделился на две части: рабочие с крестьянами, беднота всех стран или, как их называют, «международный пролетариат», а с противной стороны—все богачи, все господа всех стран или, как их называют «международная буржуазия».

Иностранные рабочие и крестьяне пока не могут помочь нам ничем, кроме сочувствия и забастовок. Напротив, иностранная буржуазия имеет возможность помочь нашим буржуям и деньгами и оружием, даже солдатами, потому что за деньги нетрудно нанять всякого бездомного сброду. Посылали и солдат, набранных из рабочих и крестьян, но те отказались итти проти нас. Больше их не посылают.

Оттого что переворот хочет сделать весь трудящийся народ всего мира, его борьбу, его революцию называют мировой революцией.

Мы участвуем сейчас в мировой революции. Мы ее начали и ведем.

Против нас идет мировая контр-революция.

Словом и делом.

Как же она борется с нами?

Словом и делом.

Слов у них немного. Обмануть рабочих и крестьян, сказать и уверить их, что они неправы в своей борьбе, уже невозможно. Поэтому контр-революция и не тратит лишних слов. Она только старается очернить нас, распустить о нас всякую клевету, чтобы у иностранных рабочих и крестьян не было доверия к нам. С помощью клеветы наши общие враги хотят добиться, чтобы иностранные наши товарищи не вмешивались в борьбу всей бур-

BIBLIOTECA SAVINE

жуазии с нами, не помешали бы расправиться с нами, как с разбойниками, не заслуживающими снисхождения и участия.

Клевета распускается всякими способами. Газетам не позволяют писать о том, как русская Советская власть борется за счастье всех трудящихся и в то же время неустанно строит для них новую жизнь, как много она делает для просвещения народной темноты, как заботится о детях бедняков-пролетариев и как и за что собственно борется с ней буржуазия, как нагло вмешивается в дела Советской власти.

Все, что есть светлого и хорошего, что успела уже создать за свое еще короткое существование русская рабоче-крестьянская власть, обо всем этом запрещают писать.

Так что за границей невольно думают, что у нас рабоче-крестьянская власть так-таки ничего хорошего сделать для трудящихся и не может.

Зато не жалеют денег тем, кто пишет газеты, и заставляют и подкупают этих людей, чтобы они писали о нас как можно больше худого. В газетах за границей и в той части России, где нет еще Советской власти, каждый день можно читать о нас всякие ужасные небылицы, от которых могут подняться волосы дыбом.

Читая их, простодушный человек может подумать, что у нас в России власть захватили разбойники, а не рабочие и крестьяне, что у нас целые дни только и делают, что одни грабят и наслаждаются жизнью, а другие страдают и умирают с голоду. И страдающими представляют нарочно рабочих и крестьян, чтобы иностранные наши товарищи побоялись и не пошли по нашему примеру.

Кроме газет, выпускаются книжки, нанимаются шпионы и другие люди, которые должны тщательно следить, что у нас делается и распускать среди нас же темные слухи, сеять смуту и недоверие к своей же рабоче-крестьянской власти.

Этим же людям поручается портить дороги, мосты, поджигать вокзалы и склады с продовольствием, делать всякие пакости у нас, лишь бы побольше повредить и власти нашей и нам самим.

Это уже не слово, а настоящее, очень опасное дело. Благодаря такой работе происходят неожиданные крушения поездов с красно-армейцами, а то и просто с мирными жителями, случаются всякие бедствия, от которых страдает прежде всего, конечно, беднота. И тут же ей внушается, что виновата во всем рабоче-крестьянская власть, что ее надо прекратить и тогда бедноте снова заживется хорошо. Когда же ей жилось хорошо, этого не говорят.

Но всех этих пакостей, которые стараются причинить нам, конечно, недостаточно. И поэтому буржуазия наша и иностранная поспешили действовать и просто открытой силой.

Начали с того, что обещали возвращение прежних льгот бывшим офицерам, дали им прежнюю форму и хорошее жалованье. Офицеры охотно отозвались на это приглашение выступить в поход против Советской власти и даже образовали особые офицерские полки, где все, и рядовые и командиры,—офицеры.

Кроме них, пригласили на службу против Советской власти разорившихся помещиков, богачей и их сынков. К ним пристали студенты, чиновники и всякий сброд, которому не нравится Советская власть рабочих и крестьян, сменившая власть их самих. Эти глупцы так просты и так в то же время злы, что никак не могут понять: время их власти безвозвратно прошло, надо примириться с тем, что в мире начинается новая жизнь.

Офицеры, помещики, студенты, чиновники и прочая нанятая бездомная стая, которым все равно, где быть и что делать, составили белую гвардию, отличие от Красной, т.-е. московских и питерских рабочих, дравшихся на улицах с царскими войсками в первые дни и месяцы революции.

Команду над ними приняли бывшие генералы, как Корнилов, Алексеев, Деникин, Краснов, Колчак и другие.

Но и этого показалось мало.

Советская власть главной своей заповедью ставит: свободу всем народам. И поэтому Финляндия, Литва, Белоруссия, Эстония, Латвия и другие насильно присоединенные давно к России народности признаны Советской властью свободными и самостоятельными.

Этим тотчас же воспользовались враги. Они помогли буржуазии новых меленьких государств захватить власть в свои руки, а потом частью угрозами, частью посулами наживы побудили их вступить с нами в открытую борьбу вооруженной силой. У нас поэтому оказалось несколько соседей, перешедших границы и начавших завоевание нашей земли.

И все они, наши и иностранные белогвардейцы; разом двинулись на нас.

Вот тут уже было не слово, а настоящее дело.

Нас окружили.

Те, кто напал на нас, делают это не как-нибудь, а строго обдумав все свои действия.

Их расчет:

окружить нас кольцом, чтобы не могло быть никаких сношений между нами и иностранными рабочими и крестьянами, чтобы со стороны никто не мог нам помочь;

окруживши, занять местности, где побольше хлеба, топлива, руды и всего, что необходимо для рабочих и крестьян, чтобы начался в Советской России голод, холод и безработица и отсутствие самых необходимых человеку предметов его обихода;

отсюда постепенно подвигаться к столице Советской России, Москве, чтобы взять силой Советскую власть, если не удастся ее заморить;

а тогда начать расправу с рабочими и крестьянами, наказать их за восстание, вернуть власть прежним хозяевам, и—

снова, мол, станет все по-старому, настанет такая жизнь, против которой восстали раньше рабочие да крестьяне.

Надо рвать.

То, что нас отрезали от других государств, в этом еще полбеды. Россия—огромная страна, богатая всем, что только нужно для человека. Мы привыкли, что нашими богатствами пользовались иностранцы, а мы только смотрели да ждали, чего они наготовят из нашего добра, да чего нам пришлют.

Нас окружили.

Теперь, по крайней мере, приучились бы лучше пользоваться тем, что дает нам наша природа.

Но беда в том, что не всюду одинаково разложены наши богатства. В Сибири много хлеба и всякого продовольствия, но зато она нуждается в железе, машинах, мануфактуре. Все это ей надо доставить: своего нет. В Уральских горах, как раз наоборот, очено много железа, всякой другой руды. На реке Донце много каменного угля, который надо доставлять в другие места. Всем частям России необходимо быть тесно связанными между собою и делиться тем, что у них есть. Вспомним о Туркестане, где только и водится хлопок для мануфактуры, вспомним Кавказ, где только и бьет из-под земли нефть. Оказывается, главные наши богатства расположены на окраинах. А в середине своего почти ничего нет. Середина не может жить без окраин. Она дает им уже обработанный продукт, ткань, машину и проч. товар готовый, а от них пользуется различным «сырьем».

Это-то и на-руку врагам. И потому-то, нападая на нас, они прежде всего поспешили захватить в свои руки окраины. Думали,—без них середина России, где находится осажденная ими рабоче-крестьянская власть, сдастся.

Рабоче-крестьянская власть оказалась словно в осажденной крепости. Сдавайся или умирай голодной смертью.

Но защитники крепости очень часто не желают ни того ни другого. Они выходят из крепости, нападают на осадивших ее, прорывают их кольцо и выходят на свободу.

Так решила сделать и рабоче-крестьянская власть.

Но не только страх перед голодной смертью миллионов рабочих и крестьян Советской России понуждает ее перейти в наступление.

Необходимо это по следующим причинам:

Окруживши нас, враги все равно продолжают наступать. Значит, надо защищаться. Значит, нужны люди. Их надо вооружить, накормить, обуть, одеть. Все необходимое для этого захвачено врагами. Следовательно, надо силой отнять от них это, иначе нас возьмут живьем.

Нашим контр-революционерам помогают иностранцы. Вовсе не из любви к ним, а лишь для того, чтобы чужими руками задушить нас, а потом попользоваться нашим наследством. Даром они не дают ничего. Хорошо дерешься—получай. Плохо—убирайся. И поэтому каждая наша удача, каждый наш удар, который удается нанести белогвардейцам, портит их дружбу с иностранцами. А это для нас, конечно, очень важно: без иностранной помощи нашим белогвардейцам не управиться.

Наконец, еще очень важная причина. На нашу борьбу смотрит весь мир. Рабочие и крестьяне всех стран душой уже на нашей стороне (клевета не помогает). Но они еще не нашли в себе смелости пойти на борьбу со своими угнетателями откры-

той вооруженной силой. Им нужны ободрение, пример. Каждая наша удача—для них ободрение, каждая неудача возбуждает опаску. Значит, надо побольше удач. Тогда восстанут все рабочие и крестьяне и ударят в тыл на наших врагов. Настанет мировая революция, т.-е. то, о чем мы и стараемся. Мы хотим счастья всем, а не только себе.

Все это—причины так называемые политические и экономические (хозяйственные). Кроме всего этого, надо знать: если на тебя нападают, а ты не хочешь, чтобы тебя побили, нападай сам, выбивай у врага оружие. Бей его его же палкой...

Надо рвать окружившее нас кольцо.

Наступать!

Но в какую сторону?

На юг.

Хорошо бы броситься на всех врагов сразу, разом разорвать кольцо. Но для этого нет у нас сил. Фронт наш тянется на 8 тысяч верст. Кто ж может вести наступление на таком фронте?

Значит, надо в одном месте прикрыться, чтобы враг не прорвался к нам, а в другом—напасть на него.

Для нападения надо выбрать такое место, которое нужнее нам или же, где бы можно было уничтожить наиболее опасного из врагов.

Важнее первое. Если будет у нас все необходимое для пропитания, работы и борьбы, справимся с любым.

Говоря о местах, станем утренней порой лицом к солнцу. Это—восток.

Там Волга. За нею Уральские горы. Они теперь снова наши. С ними мы вернули отнятые у нас Колчаком большие заводы, на которых вырабатываются чугун, сортовое железо, сталь, оружие и прочее, вернули богатства, скрытые в земле: руду, золото, драгоценные камни, вернули места, прилегающие к горам и богатые хлебом, скотом и всяким другим продовольствием.

Дальше к солнцу—Сибирь.

Это—огромная страна. В ней можно уместить две с половиной таких страны, как Россия от Балтийского моря до Уральских гор, и можно уложить полтора раза всю Европу. В Сибири много хлеба, скота, мехов, кожи, шерсти, сала, масла, рыбы, всяких металлов. Есть и уголь, но еще мало добывается. Только народу там живет гораздо меньше, чем у нас.

Чтобы привести из Сибири ее богатства, нужно время, нужны железные дороги, много паровозов, вагонов, топлива. Дорог там еще мало. Паровозов и вагонов у нас не хватает. Топлива тоже.

За эти богатства Сибири надо послать машин, мануфактуры, стекло, железных изделий, т.-е как раз того, в чем мы нуждаемся сами в середине России...

Если от солнца повернемся в пол-оборота направо, перед нами далекая и тоже отнятая у нас огромная страна—Туркестан. Она богата хлопком, без которого мы не можем работать мануфактуру, скотом, кожей. Все это тоже надо везти издалека. А взамен надо дать хлеба. В Туркестане его почти не сеют.

На правой руке у нас придется еще отнятый у нас край—Киргизский. Он—по реке Уралу, который течет в Каспийское море, и между ним и рекой Иртышом. Край этот богат рыбой, скотом, кожей, салом, шерстью, хлебом, солью, маслом, войлоком, углем (тоже плохо добывается). Но в крае этом мало дорог. Вывоз отсюда затруднителен.

Дальше к полудню, между Каспийским морем и Черным, лежит горная страна Кавказ. Главное его богатство—нефть. Нефть нам необходима для освещения (керосин), отопления фабричных печей, паровозов и пароходов. Ее захватили англичане. И ее необходимо отбить...

Но между Кавказом и нами лежит еще тоже отнятый у нас край. Это—Степной край.

Он состоит из губерний Херсонской, Таврической, Екатеринославской, Астраханской и Донской области. Если в Москве стать лицом к восходу солнца, то этот край придется как раз на правой руке, там где Азовское и Черное моря, реки Дон и Днепр.

Степной край, как видим, у нас под самым боком. Он соприкасается с Тамбовской, Курской и Воронежской губерниями, прилегает к нижнему течению Волги. Край очень богат углем, железом, солью и всяким продовольствием. Здесь же много больших заводов, изготовляющих необходимые для нас вещи.

Мало того, что край этот у нас под боком. Он весь изрезан множеством дорог. Они дают возможность быстро и легко перевезти богатства его к нам, в губернии, которые в них нуждаются.

Дальше идет Малороссия, богатейшая продовольствием страна. Здесь тоже Советская власть, соединившаяся к тому же с нами. Но на Малороссию или, как ее называют, Украйну тоже зарятся враги. Мы должны бороться с ними рука об руку с Украйной, помочь ей войсками, оружием, знанием дела войны.

Дальше идут Белоруссия и Литва, тоже соединившиеся с нами. Они не могут нам помочь почти ничем, сами нуждаются в нашей помощи.

Дальше за спиной, если стоять лицом к восходу солнца, лежат новые малые государства, враждебные нам. Они нам мало страшны. Нападать же на них мы не собираемся: нам не нужно чужого. Все наше внимание устремлено туда, где лежат захваченные врагом *наши* окраины.

Как видно, много их. И возвращение каждой из них сразу облегчило бы нам жизнь и борьбу.

Но с которой начинать?

Конечно, с юга, с Степного края.

Он близок от середины Советской России, в нем все необходимое для нас продовольствие и топливо и железо заготовлены уже в миллионах пудов.

Через него можно пройти на Кавказ за нефтью.

Он же по соседству с Украйной, необходимой нам, которой тоже нужна наша помощь.

Конечно, теперь прежде всего надо думать об этом крае.

Значит, на юг.

Пробиваться в эту сторону.

Но там Деникин.

Когда кончилась война с Германией и царская армия разошлась по домам, много генералов осталось не у дел. Они не пожелали служить рабоче-крестьянской власти, а задумали захватить власть себе, заменить царя.

Куда им было уйти?

Они ушли в Сибирь, где и стал готовиться к нападению на Советскую Россию бывший адмирал Колчак, другие ушли к казакам, в Донскую область, Оренбургскую, на Кубань. Среди казаков они надеялись найти себе подходящих людей для похода в Советскую Россию. И они не ошиблись.

Казаки еще при царе были известны своей приверженностью к царскому трону, потому что у казаков исстари земли много. Многие из них—в роде малых помещиков или, скорей, кулаки, для которых всякие льготы от царя казакам и царские порядки были выгодны. Среди них много закоренелых в невежестве людей. Их легко было уверить, что «большевики и жиды» продали Россию, а не Колчак и его генералы, и легко было поднять на рабочих и крестьян, которых они привыкли расстреливать и пороть еще с незапамятных времен при всех царях.

Бедное казачество в кабале у богатого и не в силах было само бороться с ним. Так и сложилась дурная слава про казаков, что они царские и господские холуи; они помогают душить трудовой народ.

Казацкая беднота на стороне Советской власти. Но ее скрутили. Царские генералы, прибывшие в станицы, т.-е. в казацкие поселения, нашли там приют и ту силу, которая им была нужна для борьбы с восставшим трудовым народом.

Первым двинул на нас казаков бывший генерал Краснов. На Волге уже шла жестокая борьба Советской власти с напавшими на нас чехо-словаками. Шли на нас неприятельские белогвардейцы и с других сторон. И в это же время началось наступление Краснова с Дона. Это было летом 1918 года.

Красной армии тогда еще почти не существовало. Конных войск у нас не было и вовсе. Между тем красновские казаки

были все на добрых конях. Они залетали в тыл нашим частям, быстро уходили, когда их пытались задержать. Казаки налетом забирались даже в большие города, налетали на штабы, т.-е. на места, откуда шло управление разными частями наших войск.

С ними невозможно было тягаться. Все из-за коней. Поэтому Краснову быстро удалось выбраться из-за Дона так далеко, что передовые отряды его оказались уже под Воронежем, были в Тамбовской губернии, доходили до Царицына и пытались действовать даже и на левом берегу Волги.

Положение было отчаянное для слабой тогда еще Советской России. Однако, она не сдалась разбойникам. Еще весной 22 апреля был объявлен декрет, который предписал всем трудящимся обучиться военному делу и, построившись в полки, итти на фронт. До того еще 26 февраля было установлено, что Красная армия не должна больше набираться только из добровольцев, а должна быть объявлена снова общая воинская повинность. Рабочие и крестьяне обязаны перед Советской Россией служить в ее рядах; буржуазия должна нести, какую может, работу в тылу; *оружия ей не давать*, чтобы не обратилось оно против трудящегося народа

Благодаря таким мерам и горячей работе людей, посвятивших свои силы созданию Красной армии, противники на фронте, в том числе и Краснов, получили отпор.

На других фронтах Красная армия только стремилась прогнать забравшихся к нам разбойников. На юге же дело повели круче: Краснова хотели не только прогнать обратно за Дон, откуда он пришел, но и изловить его и его приспешников, потому что иначе опять надо было ждать, что они придут.

К маю 1919 года дела их стали совсем плохи. Красная армия охватила с трех сторон казаков и приставший к ним всякий сброд огромною крепкой подковой и стала нажимать на края этой самой подковы. Слева—прямо на Новочеркасск, столицу Краснова: тут Красная армия пошла вдоль берегов Азовского моря. Она заняла Мариуполь, подходила уже к Таганрогу. Отсюда уже рукой подать к Ростову, который лежит так же, как и Новочеркасск, на берегу реки Дона, только ниже его по течению. Справа сюда же, к Ростову из Царицына, отбросивши далеко казаков, шла другая Красная армия. Она переправилась уже через Дон, миновала уже его притоки и шла уже по левому берегу реки Маныч, была от города уже в 40 верстах.

В Ростове обе армии могли сойтись.

Тогда подкова оказалась бы связанной и внутри ее захвачены были бы Краснов и его братия: генералы, офицеры, чиновники, банкиры, спекулянты и тому подобные хищные птицы, сбежавшиеся под защиту Краснова и его казаков.

Оставалось всего несколько дней, и все было бы кончено.

Но далеко от Новочеркасска готовилась уже помощь врагу.

Дела Краснова стали плохи.

Подобно тому, как Краснов с приятелями бежал на Дон, Корнилов (щ) раньше ушел на Кубань к тамошним казакам, набрал из них армию и вступил в борьбу со сторонниками Советской власти на берегах Черного моря и в Кубанской области. А в это время третий генерал, Деникин, с помощью иностранной буржуазии собрал армию на Кавказе и вел ту же работу там. И в это же время четвертый генерал, Алексеев, любимец буржуазии, получая от нее из России и из-за границы всякую помощь—деньгами, оружием, обмундированием и прочим, формировал армию из бывших офицеров и «добровольцев», т.-е., значит, приходивших к нему негодяев, ненавидящих Советскую власть. С ними готовился он к походу на Москву.

Сперва не повезло всем этим генералам.

На Кубани образовалась Красная армия. Она разбила Корнилова. Сам он погиб в бою под Екатеринодаром. Остатки его войск пробились зимой полуживые к Деникину. Деникина самого разбили. Но он увернулся от гибели. Его войска соединились с корниловскими и вместе присоединились к Алексееву. Но Алексеев скоро умер. Остался один Деникин. Он принял командование над всеми соединившимися войсками, а их было уже 140.000, и по приказу иностранцев пошел на помощь Краснову. Краснов, предвидя свое окончательное поражение, бежал на Кавказ. Как раз в последнюю минуту, когда гибель ждала

уже и остатки его разбитых и брошенных им войск, явился с своей армией Деникин и принял их под свое командование. Значит, все белогвардейские силы на юге теперь соединились.

Деникин оказался во главе большой армии на Дону. Краснов же, говорят, все-таки застрелился.

За него стал поправлять дела контр-революции Деникин.

Подкову разогнули.

Основу армии Деникина составили добровольно явившиеся к нему офицеры (30.000 человек), казаки (70.000), некоторые кавказские горцы (15.000). К ним присоединились, как уже говорилось выше, чиновники, студенты, священники и другой всяческий разбойный, буржуйский люд, желавший итти против Советской власти. Командование над частями войск приняли генералы. Между ними было немало опытных людей, принимавших участие в войне с Германией и ее союзниками. Были и такие проходимцы, как, например, знаменитый теперь генерал Шкуро, или попросту Шкура, сын выслужившегося из простых казаков кулака-атамана (атаман станицы у казаков, это—то же, что у нас в деревнях староста) Шкуры, переменивший свое слишком ему самому неприятное имя на Шкуро. Он уже был пойман однажды красными войсками на Кавказе, когда был на службе у Корнилова, но был ими отпущен, потому что целовал ноги и клялся своей честью никогда больше не выступать против Советской власти. Теперь он командует кавказскими горцами и больше чем кто-либо из генералов вешает и расстреливает рабочих и крестьян.

Деникинские войска сформированы по образцу царской армии. Полки имеют по три батальона и прежние, царские наименования. Только состав их другой: сначала все места в них от рядового до командира полка занимали офицеры, потом стали прибывать и другие люди, а офицеров стали распределять поровну, по частям, так что все же во всех полках их очень много. Артиллерия у Деникина английская с английскими офицерами. Англичане же дали ему много самолетов и топлива к ним, чтобы много могли летать, дали десятка два танков, больших движущихся по полям, ухабам и где угодно машин, из которых стреляют пушки и пулеметы.

Хлеба и другого всякого продовольствия на Дону много. Да и местность для Деникина была удобная, потому что болотистые реки, бугры и все дороги расположены там, к его выгоде, так, что по ним легко было начать хитрое наступление на Красную армию, обойти ее, а самому обхода не бояться.

Таким образом на стороне Деникина было много выгод. И особенно выгодно было ему то, что у него на службе, как видим, и в рядовых и в командирах были опытные офицеры и

генералы, которые сразу повели дело довольно умело. Они выработали план действий, сумели ловко пользоваться местностью, так что с малыми силами и с малыми потерями добивались больших успехов. Они пускали вперед бронированные поезда, т.-е. такие поезда, которые не боятся пуль, а сами стреляют из пушек и пулеметов, ловко перекидывали войска с места на место, то отходили, то снова нападали, всячески изловчались, чтобы сбить с толку, запутать Красную армию, а потом нанести ей опасные удары. План же заключался в том, что, пока прибывали идущие с Кавказа войска, надо было отбросить Красную армию обратно к Царицыну и удержать ее там, отбросить и ту Красную армию, которая угрожала Ростову с другой стороны, захватить Донецкие каменноугольные копи и тоже держаться там до подхода с Кавказа и с других мест подкреплений и уже отсюда начать поход в Москву.

Для выполнения такого плана Деникин поместился между Доном и Кавказом и оттуда двинул конницу на Царицын, а пехоту—на Бахмут. Конница должна была дойти до Волги, перехватить ее и отрезать ее нижнюю часть от Советской России. Этим мы лишались бы рыбы, хлеба, нефти и других скопленных там запасов.

В это же время двинуты были войска к Днепру. Они обошли и взяли Бахмут, захватили Екатеринослав, Харьков, Полтаву и целый ряд других городов. Красная армия перестала угрожать неприятельской столице, ее вытеснили за Днепр и за Волгу, оттеснили в Курскую, Воронежскую и Тамбовскую губернии.

Подкову разогнули.

Мало того, неприятель отнял у нас богатый продовольствием, топливом и железом край и стал угрожать, что отрежет Крым и соединиться с теми нашими врагами, которые стремятся захватить Украйну, перехватил Волгу, приблизился к тем врагам, которые действуют на другом волжском берегу, угрожая действовать заодно и с ними.

Вот что случилось на юге.

Что же Красная армия?

Пока происходило все это на юге, на восточном фронте, за Волгой шла упорная борьба с Колчаком. Советская власть решила кончить, наконец, эту борьбу, выгнать из Советской России его войска, пройти в Сибирь и восстановить там власть рабочих и крестьян.

Силы у Колчака много больше, чем у Деникина, и сам Колчак очень опасен, как непримиримый враг трудящихся и как человек, открыто замышляющий стать царем самому или посадить на престол кого-нибудь из Романовых.

Борьба с ним потребовала так много сил и внимания, что про юг-то немного и забыли. Там ведь дела наши сначала шли очень хорошо. Думали, так же хорошо и все кончится. Ведь до полной победы оставалось очень немного.

Поэтому Красная армия на южном фронте не имела подкреплений солдатами, плохо была снабжена оружием и пр. Мало было здесь и верных людей, коммунистов, ободрявших словом и собственным примером красноармейцев.

А это было необходимо, потому что победы над Красновым дались недешево. Силы поистрепались. Надо было их поддержать, помочь довести дело до конца.

А неприятель словно видел эту усталость и слабость и словно дразнил, старался вымотать последнее. Он то налетал, то уходил, делал частые прорывы фронта, а потом уходил оттуда, заманивал за собой красноармейцев, чтобы потом легче было напасть на них с боков, напускал диких, звероподобных горцев, на конях. Он старался привлечь внимание Красной армии в одно место, а нападал в другое. Например, вел будто упорные бои около Бахмута, а когда мы стянулись сюда, то бросился мимо и прорвал фронт у Луганска. А в тылу у него имелись приготовленные оборонительные позиции, так что, когда местами Красной армии удавалось и выдержать натиск врага и погнать его назад, то она натыкалась на крепкие преграды, теряла время и силы, и снова должна была уходить.

А тут еще к врагу прибывали все новые и новые силы.

Трудно было бороться.

Но Красная армия боролась.

Малочисленная, местами в три раза слабее по числу людей, чем неприятель, она упорно отстаивала каждую позицию, бросалась на врагов, подчас отбивала у них обратно потерянные позиции. Нередко окруженные и обойденные красные части пробивались штыками.

Много было примеров геройства и верности своему долгу. О них много рассказывают очевидцы и участники кровавой борьбы, и рассказы их подтверждаются верными доказательствами.

Вот, например, рассказ очевидца о борьбе под Белгородом.

Как выяснилось, Деникин очень решительно повел наступление к этому городу через Купянск и Волчанск. Отряды деникинцев с поддержкой бронированных поездов, с тяжелой артиллерией, которая бьет на громадное расстояние, не давали Красной армии здесь ни минуты передышки. Красноармейцы потеряли связь между собой и под давлением превосходных сил отступали, но с боем.

Курская рота коммунистов в нескольких верстах от Белгорода окопалась и встретила деникинцев ружейным огнем. Когда деникинцы пришли в замешательство от этого огня,

коммунисты с пением «Интернационала» бросились в штыки и откинули белогвардейцев на три версты. Так роте приходилось ходить в атаку трижды. Тогда на фланги ей бросили конницу. Конница обошла роту, и ей пришлось с боем уйти в город, чтобы не попасть в плен. Но при входе в город роте приказано было снова остановиться и задержать деникинцев, чтобы дать время увезти имущество со станции Белгород. Коммунистов оставалось мало. Однако оставшиеся рассыпались в цепь вдоль железной дороги и повели наступление. Им удалось на время отогнать разбойников, которые рвались в город. Но вот подошел неприятельский бронированный поезд и стал осыпать роту огнем. Спасения уже не было. Но коммунисты кинулись на поезд и залегли в так называемое «мертвое пространство», куда не попадали пули. Оно образовалось оттого, что пуля не может упасть близко от дула, а летит дальше. Коммунисты подошли, значит, к поезду так близко, что пули пролетали над ними. Удалось сообщить в тыл, и оттуда выдвинули на помощь курским коммунистам артиллерию. Она прогнала поезд. Так деникинцы были задержаны, а когда их пустили в город, то на станции оставалось только два сломанных паровоза и ни одного даже вагона... Все имущество было увезено и спасено.

Так боролась Красная армия.

Но боролась не только она. Помогали и рабочие, и даже и жены. Например, когда деникинцам удалось обойти Красную часть, прикрывавшую Луганск, и ворваться в город, то на улицу выскочили рабочие и работницы и выгнали их обратно.

И все же противнику удалось взять этот самый Луганск и другие города.

Дело было не только в Красной армии. Не она одна находится в тех местах, где идет борьба. Много тут и другого всякого народу, не говоря уже о малосознательных жителях сел, деревень и городишек.

Часто и от них зависит, как кончится борьба.

И этот-то темный, несмысленный люд и помешал нам, а помог врагу.

Партизаны.

Мы привыкли видеть, что войну ведут солдаты, т.-е. люди, одетые по-военному, обученные воинскому строю, построенные в ряды, собранные в воинские части, которыми командуют назначенные на то военные люди.

В войне с Германией таких обученных в казармах и построенных по-военному людей почти всех у нас перебили, и царское правительство хватало уже совсем серых мужиков и гнало их по окопам. Но все же там эти люди попадали в части, где их приводили в солдатский вид, подчиняли известному воинскому порядку, и эти люди исполняли все то, что и другие заправские сол-

даты; делались такими же солдатами. Поэтому действия и этих серых мужиков производились в порядке и не нарушали всего того, что должно было происходить на фронте.

Прежние солдаты и вновь прибывшие все одинаково были частями одной огромной машины. Такая машина называется армией. Ее действия называются операциями; это—не русское слово и означает: правильное действие.

Наша Красная армия тоже есть настоящая армия и действует правильно, как полагается действовать всякой армии. Одно только горе: она не так велика, как бы нужно было. Объясняется это недостатком оружия, обмундирования, командного состава и прочего. Все это постепенно добывается, и Красная армия по-

Деникинцы добрались до Киева.

степенно разрастается. Но часто чувствуется, что мало еще ее для нашего огромного фронта. А раз мало, приходится этот недостаток чем-нибудь восполнять: умелой борьбой, хорошей стрельбой.

Когда происходило наступление на Краснова, одновременно началось и очищение от неприятеля Украйны.

Там были и гетманские войска Скоропадского, и немцы, и банды Петлюры, и другой сброд. Все это надо было выгнать и вымести из Украины и не только, чтобы очистить ее, но освободить отрезанный от нас Крым и иметь возможность пройти через Украину и ударить Краснова с этой стороны, в левый бок.

Украинской армии еще не было. Нашей Красной армии было мало и для нас самих. Тут пришли на помощь рабочие и крестьяне, которым надоело хозяйничанье гетмана, немцев и всяких разбойников. Они стали собираться в партии. Добывали оружие, выбирали себе главарей-атаманов. Партии соединялись в боль-

шие часто отряды, даже с артиллерией, и под командой своих атаманов начали нападать на захвативших Украину врагов.

Эти храбрецы называются *партизанами*,—значит, кто сражается отдельным малым отрядом без команды высшего военного начальства.

Работа их сослужила нам большую услугу. Они били неприятеля, добывали сведения о нем, мешали ему бороться с Красной армией. С их помощью Украина была начисто выметена, был освобожден Крым.

Наконец, дальше партизанам делать было нечего. Союзники ушли в море. Оставался Краснов, а потом Деникин, с которым продолжалась борьба. Партизанам надо было бы присоединиться к Красной армии и помогать ей делать то, что укажут лица, руководящие борьбой на фронте. Ведь помощь от партизан заключалась главным образом в том, что своими разрозненными, самочинными действиями в тылу неприятеля они нарушили там вражеский порядок, а это мешало врагу повести борьбу с малочисленной, но действовавшей в полном порядке Красной армией.

И нам это было очень выгодно.

Но польза обращается во вред, если неумело пользоваться полезным орудием.

Когда враг ушел и мы заняли его место, надо было ждать, что он попытается вернуться, чтобы снова завладеть Украиной.

Что может послужить ему на пользу в таком случае?

То, если у нас не будет порядка и наш отпор ему не будет дружным.

И как раз этого порядка не стало потому, что партизанские атаманы—бывший сельский учитель Махно, бывший штабс-капитан, грубый и честолюбивый Григорьев и другие—возгордились своими победами, забыли, что не они вовсе освободили Украйну и Крым, а Красная армия с их помощью, не пожелали исполнять распоряжений по Красной армии, стали действовать самостоятельно. Тогда Советская власть, для которой ясно было, что может получиться из такого порядка, когда действует сразу и Красная армия, и Махно, и Григорьев и другие и каждый сам по себе, решительно потребовала от партизанских атаманов повиновения и подчинения командующему Красной армией. Но в ответ на это Махно, Григорьев и другие помельче атаманы подняли мятеж против власти, объявили себя самостоятельными, а потом некоторые просто перешли на сторону врагов Советской России, изменили ей, продали себя.

Так как отряды этих атаманов были разбросаны по всей Украйне в тылу и по соседству с Красной армией, то ясно, что должно было выйти из такого мятежа.

Конечно, большое зло.

Но было еще кое-что другое.

Дезертиры.

Вместе с партизанами нарушили порядок и дезертиры. В конце концов они так перемешались с партизанами, что трудно теперь разобрать, где партизан, а где дезертир. Дезертиры часто укрываются под видом партизанов, и те и другие одинаково являются теперь врагами Советской власти и одинаково приносят нам вред.

Дезертиром называется солдат, самовольно покинувший свою часть. Все равно, какие причины побудили его на этот поступок. Нетрудно понять, что, покидая свою часть, дезертир ослабляет ее. Он же служит соблазном для товарищей. За одним пойдет другой, а там начинается бегство, повальное дезертирство.

Оно всюду во всех армиях считается страшным злом, и всюду с ним борются самыми суровыми мерами. В военное время во всех армиях дезертиров расстреливают.

Причины, которые заставляют солдат какой бы то ни было армии покидать ее, бывают разные: малое сочувствие войне, тоска по дому, усталость, а то и просто трусость.

По этим же причинам стали уходить из товарищеских рядов и некоторые красноармейцы.

До войны с контр-революционерами была четырехлетняя мировая бойня, в которой волей-неволей должны были принять участие и русские рабочие и крестьяне. Много их погибло, много пришло домой, измученных душой и телом, искалеченных. А дома, оказывается,—нужда, хозяйство без хозяина пришло в упадок... Кругом беда.

А тут еще грозят контр-революционеры, несут новый хомут на шею трудовому люду. Надо забыть усталость, пренебречь на время хозяйством и проч. и спешить на войну опять.

Зачем же она?

Сознательный человек не стал бы и задавать такого вопроса.

Если зовет своя же родная, своя рабоче-крестьянская власть, значит так нужно: грозит какая-то опасность.

Но Советская власть имеет в виду и несознательных и, призывая их к ружью, тут же и объясняет:

Нам угрожают старые порядки, рабство и кабала, нас уже грабят, душат, морят холодом, голодом, темнотой...

Спасите! Бейте в набат! На помощь!

И могучая рабоче-крестьянская волна вышла из берегов и пошла на призыв.

Но среди крестьян да частью и среди рабочих многие шли по привычке повиноваться. Сами-то они плохо поняли, в чем дело, зачем воевать. И как только понюхали пороху да походили походами, да и затянулось все это на порядочный срок... Устали. Потянуло домой. Что бы ни было, только бы домой. Это—одна причина: усталость, тоска по дому.

А тут еще из дому пошли письма. Пишут из деревень: голодаем, разоряют-мол нас и комиссары и Советы, последнюю скотину отымают, помощи не дают...

Что за притча?!

Советская власть, призывая в ряды Красной армии рабочего и крестьянина, старается всеми силами помочь ему устроить без себя свою семью да и самому безбедно прожить на службе. Красноармейцу помимо довольствия назначается жалованье.

В царской армии солдат, который отдавал свою голову за интересы буржуазии, получал в месяц 50 коп., т.-е. почти в 200 раз меньше самого младшего офицера, получавшего около 100 рублей. Что касается кого-нибудь повыше младшего офицера, хотя бы командира полка, получавшего 350 р., то—в 700 раз меньше его. А дальше не сочтешь. Министры например, получали в 10.000 раз больше, чем солдат. Теперь самый младший красноармеец получает жалованья в 4—5 раз меньше командира. На самых высших постах Советской России, например, народные комиссары получают лишь в 40 раз больше красноармейцев, не считая, что красноармейцу идет, само собой, самый большой паек.

Но кроме самого красноармейца получает пособие его семья. По мере вздорожания жизни пособие повышается. Вот теперь по декрету 27-го мая 1919 года каждая семья, в которой есть один нетрудоспособный человек, получает 200 руб. в месяц, а то и больше, а многие семьи получают по 600 рублей.

Сейчас за 6 месяцев таких пособий выдано 1.200.000.000 рублей. Пользуется пособиями 1.600.000 человек.

Выходит, что красноармеец получает жалованья уже не 400, скажем, рублей, а гораздо больше.

А если посчитать, что его семью освобождают при этом от квартирной платы и других платежей, то оказывается, что жалованье красноармейца побольше, чем у многих ответственных служащих Советской власти.

У Деникина младший офицер получает 375 рублей жалованья, 400 рублей добавочных на дороговизну, жизнь там дорогая, 180 рублей столовых на пропитание, 180 рублей суточных, т.-е. еще добавочные , а всего 1135 руб. в месяц, казенное обмундирование и пищу. Солдаты же получают 45 рублей, младший унтер-офицер—65 р., старший—75 р., а фельдфебель—105, кроме пайка и обмундирования.

Но Советская власть помимо чисто денежной помощи помогает красноармейцу еще и натурой, значит всем необходимым вообще. Предписано по всем волостям, чтобы сельские общества бесплатно обрабатывали общими силами, засеивали поля семьям красноармейцев, давали бы лошадей и лесу, вообще оказывали бы всяческую помощь.

Наконец, если случилась беда, красноармеец стал калекой или вовсе погиб, то выдается ему или семье пенсия не менее

3.000 рублей в год. Семье погибшего дается не менее 75 рублей с каждой сотни жалованья, которое он получал.

Назначив такие пособия и такие способы помощи семьям красноармейцев, Советская власть предписала, чтобы в уездах были доверенные люди и проверяли правильность и своевременность выдачи денег.

Скажи, товарищ, если загорелся дом твой или вся деревня, или напали на твое стадо хищники,—кто пойдет спасать? А с кого станешь получать за труды? А если балкой пришибет тебе руку и станешь калекой? С кого пойдешь получать за увечье?..

Да ты и не пойдешь, потому что тогда тебе каждый скажет: Э, брат! Да ведь ты свое же добро спасал.

А чье добро спасает Красная армия от Деникина, Колчака и заморских разбойников? Не свое ли собственное и своих близких?

И все же вот Советская власть возмещает убытки, которые терпятся при спасении красноармейцами своего же достояния и дает им как можно больше денег. Хочет помочь вынести ужасную борьбу.

Да,—скажешь ты.—Это только на бумаге. А вот из дома пишут не то. Там не дают и не помогают...

Кто не дает? Кто это там у вас правит в деревне? Неужели урядник?!

Ах, да, советы.

Как же так? Кого вы там понасадили? Пишите же скорей домой, чтобы негодных из совета выгнали, а выбирали бы тех, которые заботливы и не забывают ваших семейств!

Советской власти не разорваться. Она дает указания, а уж на местах самим надо поразобраться и указания исполнять...

Да постарайтесь скорее разбить врага: тогда скорее кончится война, скорее можно будет вернуться по домам и навести там порядок.

Однако многие товарищи не послушали такого разумного голоса и пошли домой, не покончив с врагом. И несут туда не помощь, а гибель. Ведь врагам только и надо, чтобы Красная армия разошлась. Тогда они могут свободно распорядиться у нас и с нами.

Вот и теперь они уже хозяйничают в наших городах на юге, грабят, убивают, режут, стреляют, жгут.

Кто виноват?..

Итак, по многим разным причинам уходят с фронта дезертиры.

Но главная причина это—темнота, несознательность трудовых людей.

Каша.

Деникинцы наступали. Красной армии надо было теснее сомкнуть свои ряды и соблюдать самый строгий порядок, чтобы устоять против превосходящего ее численно врага, удержать его, пока придут подкрепления.

На деле же получилось вот что.

Дрались геройские части. Но ряды их редели. Бежали дезертиры. Подкупленные Деникиным темные люди распускали в тылу разные слухи, подговаривали их бежать. Те уходили в тыл и оттуда пробирались домой, кто в поездах, кто просто пешком. Их перехватывали по пути, возвращали в части. Дезертиры снова бежали, скрывались по деревням, в лесах и в канавах. Местами, чтобы не быть пойманными и возвращенными на фронт, они собирались в партии, захватывали деревни или забивались в лес, грабили проходивших, грабили деревни, превращались просто в разбойничьи шайки, живущие грабежом. Эти шайки разбойников и зовутся в насмешку—«зеленые», прячутся, мол, в зеленых лесах.

Тут же засели партизанские отряды с своими атаманами, не желавшими подчиниться Советской власти. Оставшись не у дела, они тоже занялись кто грабежом, кто просто поджидал, что будет дальше, а кто лез на фронт в бой, думая, что без их помощи там не обойдутся.

Тут же и партизанские отряды уже открыто восставших против Советской власти атаманов, как Григорьев, Махно, Волынец, Шепель, Тютюник, Зеленый и другие.

На них особенное внимание обратили иностранные шпионы. С ними начались переговоры, пошли подкупы. Невидимая рука иностранного руководителя устроила так, что восставшие партизанские отряды расположились как раз в тех местах, через которые проходили самые важные для Красной армии дороги. Они отрезали одни части Красной армии от других, отрезали от тех городов, из которых шло на красный фронт продовольствие, пополнение, патроны и прочее. Цепь партизанских отрядов раскинулась в тылу Красной армии и раскинулась по всей Украйне вплоть до Киева. Действия красных войск стали крайне затруднительными. Приходилось вести бой на фронте Деникина и в тылу, ловить дезертиров, разгонять шайки не то партизанов, не то разбойников, вступать с ними часто в открытый бой.

Благодаря дезертирам и партизанам, рассеявшимся по деревням, и благодаря шпионам, сеявшим смуту и темные слухи, заволновались и крестьяне и жители городов, у которых происходили военные действия и передвижения Красной армии. Из-за разных причин начались во многих местах восстания против Советской власти. И тут опять нельзя было отличить, где в самом деле восстали недовольные чем-нибудь мирные жители, где под

видом их орудуют разбойники. Так ли, иначе ли, во многих деревнях даже далеко от фронта было немало бунтов. Крестьяне-кулаки совместно с дезертирами и всякими проходимцами тоже перехватывали дороги, по которым происходило продвижение Красной армии или везли ей снабжение.

В конце-концов получилась такое положение, что Красная армия не видела почти, где же фронт. Всюду были враги. Приходилось сражаться, отбиваться от наседающих врагов, самой нападать на них и на шайки разбойников, мешавших правильным передвижениями и действиям. Получилась неразбериха, сумятица, в которой уже невозможно было восстановить порядок, вести правильную борьбу.

Получилось то, что называют мутной водой или кашей.

Чтобы яснее представить себе, что творилось в тех местах, в которых надо было вести борьбу и оказывать сопротивление наседающим врагам, можно привести много интересных примеров.

Вот хотя бы рассказ одного товарища, попавшего в место, занятое партизанской шайкой Волынца.

«После двух бессонных ночей, проведенных в грязных и темных вокзалах, потому что невозможно было попасть в поезд, я, наконец, добрался до какой-то станции в 15 верстах от города Гайсина, куда я отправился на лошадях. Кругом богатые поля, обещающие хороший урожай. Подъехал к лесу. Тут меня остановило два всадника в крестьянском платье.

На вопросы: куда и зачем еду, я дал ответ. Меня осмотрели и отпустили. Но могли и не пустить, а, как это часто делается, погнать в штаб какого нибудь атамана, откуда живым уже не выйдешь.

Добрался до города Гайсина. Оказалось, там властвует, как царь, именующий себя полковником Гайсинского полка Волынец. Как раз на улицах расклеивали его объявления, что им пойманы коммунисты такие-то и расстреляны. Тут же от жителей я узнал, что кроме этих нескольких коммунистов расстреляны еще десятки местных жителей, совершенно не большевиков, а просто показавшихся Волынцу подозрительными.

В селе Карбовке неподалеку от Гайсина находится и штаб Волынца. Он защищен двумя пушками и несколькими пулеметами. Каждую ночь Волынец туда уезжает, увозя награбленное добро и полонянок, так как пьяные его ватаги днем не только грабят соседние села, но забирают в плен и девушек и женщин.

Население не смеет противиться. Ограбленное, оно голодает, болеет и мрет. Все говорят шопотом, чтобы не быть заподозренными в сочувствии Советской власти, потому что таких тотчас же хватают, увозят в штаб, а оттуда привозят изуродованные трупы. Хорошо себя чувствуют те, которые сумели подладиться к Волынцу, но, когда нужно, прикидываются, что они— коммунисты. Они распоряжаются, втихомолку натравляют

население и проходящих дезертиров на евреев, устраивают погромы и избивают неповинных ни в чем людей, а когда приходит отряд красноармейцев для борьбы с разбойниками, они прикидываются коммунистами и показывают, кого хватать за грабеж, а сами остаются в стороне.

Выпущены шайкою свои деньги, которые заставляют брать или менять на настоящие. Творится что-то невообразимое. И вся местность в руках этой шайки.

Таких местностей, какую описал товарищ, было много.

Можно себе представить, как же было Красной армии действовать в таких местах и думать о сопротивлении Деникину, когда приходилось вести войну среди своих же.

И вот эту-то кашу и использовал для своей выгоды враг.

Шайки разбойников направлялись так, чтобы мешать борьбе Красной армии. Когда к занятым ими местам подходили деникинцы, они нападали на Красную армию сами, и благодаря этому деникинцы сразу, часто без боя занимали целые обширные местности; приходилось просто уходить из них, потому что части Красной армии оказывались окруженными и борьба была невозможна.

Благодаря этому и удалось Деникину так быстро проникнуть к Днепру и к Волге, несмотря на то, что Красная армия, хоть и меньшая его численно, боролась, как могла.

У ж а с.

Нетрудно себе представить, что могло получиться там, куда удавалось таким образом проникнуть деникинцам.

В глубоком тылу на Кубани, в ее столичном городе Екатеринодаре заседал Деникин. Ему очень хотелось захватить наш юг, оттуда пробраться в Москву и взять в свои руки власть над Россией. Ему мерещилась даже корона. Не даром, когда приказано было ему из-за границы признать верховным правителем России Колчака, он сделал это, но в приказе своем по армии написал так:

— Божией милостью я, главнокомандующий всеми вооруженными силами юга России, генерал А. И. Деникин, во избежание распрей и междоусобия объявляю, что я признаю адмирала Колчака верховным правителем России и подчиняюсь ему, обязуюсь исполнять все его распоряжения.

Скрепя сердце, писал это Деникин. Но так ему было приказано.

А приказали французы.

Бывшие наши союзники поделили уже между собой Россию и только ждут, когда это Деникин, Колчак и другие нанятые ими генералы придут к нам и захватят власть. Тогда их прогонят и станут хозяйничать у нас иностранцы. Они уже усло-

вились между собою: весь юг поступает в доход Франции, Кавказ и то, что к востоку от Каспийского моря, а значит, и Туркестан, хлопковый край, отходит к Англии. Сибирь делят между собой Америка и Япония.

Таким образом на юге хозяева—французы. Их офицеры и доверенные люди, называемые консулами, приставлены к Деникину, проверяют каждый его шаг, каждую копейку, которую ему дали на борьбу с Советской Россией. Они презирают своего золотопогонного холуя и не стесняются показывать это. Деникин очень хорошо понимает, кто он такой, но выхода ему нет: без союзников он тотчас же был бы раздавлен Красной армией. Поэтому ненавидя французов, ругая их в кругу своих приятелей «жидами» и «парикмахерами», он все же беспрекословно им подчиняется.

Но и друзей-то у Деникина мало. К нему сбежалась наша буржуазия, тоже дает ему кое-какие гроши и за это требует себе уважения и власти в будущей России, которую ей должен завоевать Деникин. Друзья ненавидят друг друга, ссорятся между собой, бегут с своими ссорами к Деникину. Получается какая-то путаница, в которой очень трудно разобраться. А тут еще под боком вот-вот вспыхнет восстание кубанцев, которые уже недовольны, что на их земле сидит и распоряжается чужой генерал и окружающая его свора мошенников, и готовят ему изгнание.

Что же может в таком случае твориться подальше от деникинской столицы? Конечно, там нет никакого порядка. Спущенные на Красную армию собаки прут без разбора вперед, а так как их пока много и они очень злы, то и выходит, что от их зубов пока приходится уходить.

А они очень злы.

Командуют-то бывшие генералы: у Волги—Покровский, на Кавказе—Врангель, у Екатеринослава—Шкуро, у Харькова—Маевский и т. д. Но орава, им подчиненная, их не слушается.

Выше уже говорилось, что войска Деникина составляют казаки, бывшие офицеры и сбежавшие чиновники и студенты, а также дикие кавказские горцы, для которых убийство, резня, вопли раненых и истерзанных людей, это—удовольствие.

Горцы жгут и режут население, крадут женщин из любви к этому делу; казаки на службе самодержавия всегда отличались жестокостью и бессердечием. Что касается бывших офицеров, то в них горит жажда мести за снятые с них когда-то погоны и расправу с ними солдат, и теперь они, дорвавшись снова до погон, которые дал им Деникин, мстят во-всю.

Погоны носят разные. Есть полки с черными погонами (Марковский полк), есть полк генерала Корнилова, который носит погоны наполовину черные, наполовину красные, что означает «смерть революции» и отличается особенной жесто-

костью. Офицеры ходят с шомполами и за малейшую оплошность бьют ими подчиненных им солдат из насильно мобилизованных крестьян по лицу, пяткам (тогда шомпола нагревают).

Эта орава, прибывая в новый город или местечко, сперва старается показать, что она—настоящее войско. Местная буржуазия, дамы, барышни, священники встречают их с цветами, иконами и крестами, как избавителей. Генерала Шкуро в Екатеринославе несли в церковь на руках. Потом служат молебен, на котором обязательно поминают Николая II и провозглашают ему вечную память...

А пока идет парад войскам, празднества, на площадях уже строят виселицы, и уже идет перепись людей, на которых шпионы уже доносят, что они—сторонники рабоче-крестьянской власти или просто хотя бы служили ей за кусок хлеба.

И очень скоро начинается расправа.

Разбойники распоясываются, и идет потеха.

Начинают с евреев и коммунистов. Их поголовно истязают, потом расстреливают или вешают, а то просто сжигают со всей семьей.

Кровь и огонь, вопли людей распаляют кровь, начинается разбойницкая потеха. Начинают грабить и насиловать уже даже тех самых буржуазных дам и барышен, которые еще вчера приветствовали гостей-избавителей цветами и поцелуями.

Из города казаки рассыпаются по деревням. Начинается порка мужиков и баб нагайками, бьют прикладами.

За что?

Они этого сами не знают. Просто разгорелась пьяная кровь, человек стал демоном и бесчинствует, творит ужас.

В городах и деревнях ставится старая полиция: урядники, пристава. Но уже они-то поставлены, разумеется само собой, не для порядка или справедливости.

И этот ужас продолжается до тех пор, пока Красная армия где-то там, впереди, не отступит еще, и разбойники не уйдут по ее пятам на новые места.

Тогда выползают из ям и погребов затравленные люди и плачут, и ломают руки, и проклинают тот час, когда встречали гостей-избавителей.

Они только теперь поняли, что сделали, мешая Красной армии сражаться с деникинцами, и поняли, кто такой Деникин и кто его хозяева и его слуги.

Лучше поздно, чем никогда.

Лучше потому, что в тылу Деникина уже появились партизаны. Они собираются, чтобы помочь нам уничтожить гадину, зверя, принявшего человеческий образ.

Стой!

Вот почему борьба с Деникиным будет тем легче, чем дальше удастся нам его оттеснить назад. Тотчас же на него бросятся все измученные его разбоями несчастные люди, и придется ему бежать, как волку в стае борзых.

Но раньше, чем теснить, надо еще остановить.

Надо крикнуть и себе, и врагу:

— Стой!

Этот крик разом отдастся в деревнях и в городах за фронтом Деникина и оживит их надеждой на избавление.

И мы это «стой» уже крикнули.

Раньше всего взялись за дезертиров.

Объяснили им, почему нельзя бросать фронт. Очень многие уже вернулись и еще идут обратно на фронт. Тех, кто не одумался, строго наказывают и это тоже хорошо действует.

Эти меры усилят ряды Красной армии.

Их надо еще усилить, чтобы иметь больше красноармейцев, чем у Деникина разбойников.

Для этого на южный фронт спешно повезли пополнения.

Принято во внимание, что сила Деникина еще в свежести его войск: они еще почти не воевали, не устали, сыты, здоровы.

И мы шлем на южный фронт свежих людей.

У Деникина очень хорошее вооружение: дали союзники.

И мы кликнули клич по заводам, чтобы рабочие приналегли, побольше изготовили оружия. Помогло возвращение нам Урала, где много заводов и железа, и стали. Но, конечно, самое лучшее средство быть вооруженным лучше Деникина—это отнимать у него оружие. И поэтому Советская власть в сообщениях о войне всегда указывает, сколько и где удалось отнять.

Надо бы побольше.

Деникину, как видно, много помогли наши нарушившие дисциплину партизаны.

С ними начата беспощадная борьба. Им предложено войти в ряды Красной армии и делать то, что и она, не нарушать порядка и дисциплины, без которых никогда не справиться с врагом. Кто не согласен, на того Советская власть смотрит как на дезертира и разбойника, и беспощадно с тем расправляется.

И это кое-где уже подействовало, потому что много мест в тылу Красной армии от партизан уже очищено, и работа там пошла гладко: не мешают.

Много помогло Деникину то, что некоторые местные выборные власти оказались неспособными хорошо служить выбравшему их трудовому народу: плохо заботились об его нуждах, плохо пригревали сиротливые семьи красноармейцев, плохо боролись с кулаками и вызывали тем жалобы и недовольство.

И на это обращено строжайшее внимание.

Власти такие сменены, некоторые сурово наказаны. И поделом, потому что их нерадение ввело в заблуждение крестьян в деревнях на южном фронте, так что во многих местах Деникина ждали, думали, что при нем будет лучше

Помогло Деникину и то, что красноармейцы получали из дома письма с слезными жалобами от жен и матерей, что о них не заботятся. Они болели душой за родных и, конечно, не могли всю свою силу обратить на Деникина, а многие просто бежали домой. Думали помочь.

Помогут не они. Они только затрудняют дело борьбы с буржуями. Теперь приказано, чтобы все письма, в которых жены и вообще близкие жалуются красноармейцу на обиду, чинимую им дома, немедленно представлялись им по начальству, а оно немедленно препровождало их, куда следует, для разбора и наказания тех, кто не заботится о семье красного героя

Посланы, кроме того, доверенные люди, которые сами лично должны объехать деревни и города и проверить, как помогают семьям красноармейцев.

Конечно, и это большая помощь в борьбе с Деникиным. Теперь красноармейцы будут спокойны за свой дом и все внимание обратят на врага.

Много еще другой работы проделано.

Все это и есть то самое слово: «СТОЙ», которое крикнули мы Красной армии. Этими мерами устранено то, что мешало ей драться, что заставляло ее уходить от врага.

Теперь ей нечего уходить.

Надо остановиться.

Сказать себе:—Стой!

И это «СТОЙ» грозно повторить врагу.

Стой!

Ни шагу дальше!

Ни шагу по священной земле, политой потом и кровью пролетария!

Здесь тебе не место!

СТОЙ!!

На юг, на юг!

Но этого мало.

Что с того, что деникинцы остановятся? За ними все же остался юг.

Остались истерзанные братья.

Остался хлеб.

Остался уголь.

Осталось железо.

Остался Деникин, палач и убийца.

Осталась шайка разбойников, пригретая им.

Остались французы, которые уже считают весь наш юг своим.
Это наше-то кровное добро, наше святое, наше трудовое!
Ну, не бывать этому!
На юг, на юг, товарищи!
Гнать их!
Вернуть все, что украли!
Прочь, разбойники!
Вперед! Вперед!
На юг! На юг!
Грянул гром. Красные молнии прорезали тучи.
Хлынула вперед красная волна.
Свищет ветер. Ревут волны.
— На юг! На юг!
Навстречу шумит море.
Зовет:
— Бросай сюда разбойников.
На ЮГ! На ЮГ!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Революция и контр-революция	3
Словом и делом	4
Нас окружили	6
Надо рвать	7
На юг	19
Но там Деникин	11
Подкову разогнули	14
Что же Красная армия?	15
Партизаны	17
Дезертиры	20
Каша	23
Ужас	25
Стой!	28
На юг! На юг!	29

ИЗДАТЕЛЬСТВО Всероссійск. Центральн. Исполнит. Комитета Совѣтовъ Рабочихъ, С., К. и К. Депутатовъ.

1.	Краткая біографія	Н. Ленина	— р. 10 к.
2.	Я. Буровъ.	Что означаетъ законъ о свободѣ совѣсти	— „ 25 „
3.	М. Павловичъ.	Брестскій миръ и задачи экономическ. возрожденія Россіи	2 „ — „
4.	М. Павловичъ.	Итоги міровой войны	2 „ 50 „
5.	М. Павловичъ.	Міровая война и борьба за черный континентъ	2 „ — „
6.	К. Либкнехтъ.	Науки и мухи	— „ 10 „
7.	В. Карпинскій.	Какъ тульскій мужикъ уму-разуму научился.	— „ 40 „
8.	Е. Ярославскій	Отецъ и сынъ. Вильгельмъ Либкнехтъ и Карлъ Либкнехтъ	— „ 10 „
9.	Е. Ярославскій.	Карлъ Марксъ и Фр. Энгельсъ	— „ 10 „
10.	Г. Плехановъ.	Основные вопросы марксизма	1 „ 50 „
11.	Н. Ленинъ.	Очередныя задачи Совѣтской власти	— „ 50 „
12.	Н. Ленинъ.	Борьба за хлѣбъ	— „ 50 „
13.	Г. Зиновьевъ.	Контр-революція и задачи рабочихъ	— „ 25 „
14.	В. Блосъ.	Исторія великой французск. революціи	4 „ 50 „
15.	А. Арну.	Народная исторія Парижской коммуны	2 „ 50 „
16.	К. Каутскій.	Экономич. ученіе К. Маркса	2 „ — „
17.	Ф. Энгельсъ.	Происхожденіе семьи, частной собственности и государства	1 „ 20 „
18.	Д. Бѣдный.	О попѣ Панкратѣ, теткѣ Домнѣ и явленной иконѣ въ Коломнѣ	1 „ — „
19.	Е. Ярославскій.	Августъ Бебель	— „ 10 „
20.	Ф. Энгельсъ.	Развитіе соціализма отъ утопіи къ наукѣ	— „ 50 „
21.	В. Карпинскій.	Въ походъ противъ царя-голода	— „ 40 „
22.	В. Карпинскій.	Съ кѣмъ же вы, крестьяне	— „ 10 „
23.	Л. Сосновскій.	Весь хлѣбъ — ему народу	— „ 40 „
24.	Г. Устиновъ.	Меньшевики, правые эсъ-эры и контръ-революція	— „ 40 „
25.	В. Керженцевъ.	Революціонная Ирландія	— „ — „
26.	К. Левинъ.	Декабристы	— „ 80 „
27.	А. Арну.	Мертвецы коммуны	— „ 20 „
28.	Г. Устиновъ.	Крушеніе партіи лѣвыхъ эсъ-эровъ	— „ 30 „
29.	С. Дикштейнъ.	Кто чѣмъ живетъ	— „ 50 „
30.	Б. Свидерскій.	Трудъ и капиталъ	— „ 50 „
31.	Ю. Мархлевскій.	Что такое полит. экономія и чему она учитъ.	— „ — „
32.	П. Лафаргъ.	Патріотизмъ буржуазіи	— „ 15 „
33.	Л. Троцкій.	Жанъ Жоресъ	— „ 20 „
34.	К. Марксъ и Ф. Энгельсъ.	Манифестъ Коммунистическ. партіи.	— „ 50 „
35.	Е. Преображенскій.	Нужна ли хлѣбная монополія	— „ 10 „
36.	Н. Бухаринъ.	Всеобщая дѣлежка или коммун. производство.	— „ 10 „
37.	М. Суматохинъ.	Давайте жить коммуной	— „ 40 „
38.	І. Быкъ.	Медицина и Совѣтская власть	— „ 50 „
39.	Д. Бѣдный.	Отцы духовные	1 „ — „
40.	Д. Бѣдный.	Сказки сладки про старые порядки	1 „ 25 „
41.	Д. Бѣдный.	Коммунистическая марсельеза	— „ 10 „
42.	К. Левинъ.	Послѣдній русскій царь Николай II	— „ 60 „
43.	М. Конколь.	Коммуна 1871	— „ 25 „
44.	К. Каутскій.	Классовые интересы	— „ 25 „
45.	В. Либкнехтъ.	Воспоминанія о Марксѣ	— „ 60 „
46.	Н. Бухаринъ.	Церковь и школа въ Совѣтской Республикѣ.	— „ 15 „
47.	К. Цеткинъ.	Борьба за свободу и миръ въ Россіи	— „ 15 „
48.	Л. Петровичъ.	Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь	— „ 15 „
49.	Конституція Росс.	Соц. Федерат. Совѣтской Республики	— „ 20 „
50.	Н. Антоновъ.	Карлъ I, Людовикъ XVI, Николай II	— „ 15 „